ЦЕННЫЙ ОПЫТ

В ВЕРХНЕ-ЛЮБАЖСКОЙ МТС ГОТОВЯТСЯ К ВЫДАЧЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ОПЛАТЫ ТРАКТОРИСТАМ

В этом году многие тракторные бригады В.-Любажской МТС получат дополнительную оплату за перевыполнение плана урожайности в звеньях, где они работали. На это претендуют бригадиры тт. Докукин, Алехин, Савенков, Локтионов, Ефремов и другие. Кроме того, трактористы получат гарантийный минимум в зависимости от выполнения плана урожайности по каждому звену. Вот почему как в целом МТС, так и каждый работник тракторной бригады заинтересованы в сборе урожая каждым звеном в отдельности.

Существующие с 1940 года формы учета труда трактористов не отвечают требованиям февральского Пленума ЦК ВКП(б). Вот почему бухгалтерия МТС провела дополнительный учет труда каждого тракториста, бригадира, заправщика: в лицевой счет тракториста внесены трудодни, выработанные по звеньям.

Дополнительный учет труда членов тракторной бригады Андрея Головина можно показать на примере его работы в двух звеньях—Веры Локтионовой и Ивана Черткова из колхоза «Заря мировой революции».

За обработку почвы под озимую рожь тракторному отряду начислено: по звену Локтионовой 109 трудодней, по звену Черткова—128. В том числе трактористу т. Борзенкову по звену Черткова начислено 40 трудодней, а по звену Локтионовой 32 трудодня, тов. Ярыгину — соответственно 11 и 7 трудодней.

Допустим, что в звене Локтионовой средний урожай озимой ржи будет выше планового и дополнительная оплата по этому звену выразится в 5 килограммах на каждый трудодень, выработанный на выращивании этой культуры. При этом тракторист т. Борзенков получит 160 килограммов хлеба, а т. Ярыгин—35 килограммов. Кроме того, тт. Борзенков, Ярыгин и другие получат гарантийный минимум не по два, а по 3 килограмма на трудодень.

Другое дело, если в звене тов. Черткова урожай будет ниже планового, тогда на трудодни, выработанные в этом звене, трактористы получат гарантийный минимум из расчета по 2 килограмма на трудодень.

Такой порядок оплаты труда создает особую заинтересованность трактористов не только в хорошей обработке почвы на участках каждого звена, но и в хорошем уходе за посевами, в борьбе с потерями на уборке и обмолоте урожая.

Учет труда, затраченного на выращивание яровых культур, бухгалтерия провела общий по всем культурам в звене, куда вошли пшеница, ячмень, овес и гречиха (по просу и конопле трудодни учтены отдельно). Для получения гарантийного минимума—2 или 3 килограмма на трудодень—такого учета достаточно. Однако, если при перевыполнении общего плана урожайности по звену дополнительная оплата будет полагаться отдельно за урожай какой-нибудь яровой культуры, бухгалтерия подсчитает каждому трактористу трудодни, выработанные на выращивании этой культуры, чтобы определить размер дополнительной оплаты.

Несмотря на сложность и трудоемкость такого детального учета, работники бухгалтерии МТС успешно справляются с этим важным делом.

К. ДОНСКАЯ,
инструктор обкома ВКП(б).
В.-Любажский район.

НЕ ЗАПАЗДЫВАТЬ С СЕВОМ ОЗИМЫХ!

* * *

Когда намерены краснояружцы закрепить участки за звеньями?

КРАСНАЯ ЯРУГА, 15 августа. **(По телефону. Корр. «Курской правды»).** Отдел сельского хозяйства разослал колхозам график, в котором было намечено начать сев озимых с 1 августа. О графике вспомнили через 10 дней, когда оказалось, что колхозы и МТС по существу не приступали к осеннему севу. На 11 августа было посеяно всего 850 гектаров и это при наличии 100 конных сеялок и 9 тракторных агрегатов. Не намного поднялись темпы сева и в последние дни. Если в районе так будут сеять и дальше, то для этого потребуется больше 3 месяцев.

Артели «Знамя труда» надо посеять 439 гектаров озимых, а на 13 августа тракторным агрегатом там посеяли всего 15 га. Колхоз имеет 7 конных сеялок, но они не используются. Председатель колхоза тов. Рудев заявляет:

—Вот закончим уборку урожая, тогда и «поднажмем» на сев озимых.

Так рассуждают, к сожалению, руководители многих артелей, хотя в каждом колхозе одновременно могли бы успешно вести и уборку, и хлебосдачу, и сев озимых.

Агрономы должны были выступить поборниками быстрейшего и высококачественного проведения сева. Но этого не случилось. Старейший агроном Краснояружской МТС тов. Зинченко два дня пробыл в колхозе им. Молотова. Он однако и не вел речи об осеннем севе, тогда как колхоз посеял всего лишь 18 гектаров. Старший агроном Ситнянской МТС тов. Калашников весь день 10 августа провел в Хуторском сельсовете, где ни один колхоз не начинал осеннего сева, и не помог колхозникам включить в работу все сеялки.

В районе допустили серьезную ошибку в организации сева. Речь идет о том, что в большинстве колхозов не отведены и не закреплены за звеньями участки. Не удивительно поэтому, что звеньевых, как правило, в поле не видно. Такое недопустимое положение не только снижает темпы сева, но отражается на его качестве. В результате звенья лишены возможности уже сейчас начать борьбу за высокий урожай будущего года.

Странную позицию в эти дни занимает районная газета «За сталинский урожай» (и. о. ответ. редактора т. Шепеленко). О севе она не пишет. Лишь 10 августа редакция сообщила, что «1 августа колхозы начали осенний сев... Всего в районе начали сев 40 колхозов, посеяв 531 гектар». Об этом сообщается как о достижении.

Руководители района должны сделать серьезные выводы из ошибок, допущенных на севе, и в кратчайший срок преодолеть отставание в этом исключительно важном деле, решающем судьбу урожая будущего года.

Г. АРСЕНОВ.

В ЧЕТЫРЕ РАЗА МЕНЬШЕ, ЧЕМ В ПРОШЛОМ ГОДУ

ГРАЙВОРОН, 15 августа. **(По телефону. Корр. «Курской правды»).** Колхозы Грайворонского района должны в этом году посеять 12800 гектаров озимых. За первые 10 дней августа посеяно всего 775 гектаров, — в четыре раза меньше, чем на это же число в прошлом году. Не изменилось положение и в третьей пятидневке.

В крупнейшей артели района им. Чапаева предстоит посеять 660 гектаров озимых. Колхоз располагает большими возможностями: имеет 12 конных сеялок, достаточно борон, конных культиваторов, 76 лошадей и 18 пар волов. Но на 13 августа здесь было посеяно всего 42 гектара вместо 280 по графику. Так медленно в этом колхозе сеют потому, что бригадам и звеньям не дается ежедневных заданий, сеяльщики не выполняют нормы выработки.

В колхозе пренебрегают качеством сева. Четвертая и пятая бригады начали сев вручную. Пары подготовлены плохо, однако ни одна из 180 коров колхозников не используется для обработки паров. Председатель колхоза Красников приказал бригадиру пятой бригады сеять по недостаточно прокультивированному пару, и тот выполняет это нелепое распоряжение.

Еще хуже идет сев в соседнем тоже крупном колхозе им. Коминтерна. Здесь 7 конных сеялок, достаточно тягла, а посеяно лишь 24 гектара. Три бригады сев еще не начинали. Председатель колхоза тов. Фалько не бывал в поле, где сеют рожь.

12 и 13 августа в колхозах им. Чапаева и им. Коминтерна был заместитель председателя райисполкома т. Печинский. Но он не обратил внимания на то, что здесь недопустимо затягивают сев. Мирится с затяжкой сева в колхозе им. Чапаева и представитель райкома партии тов. Голиусов.

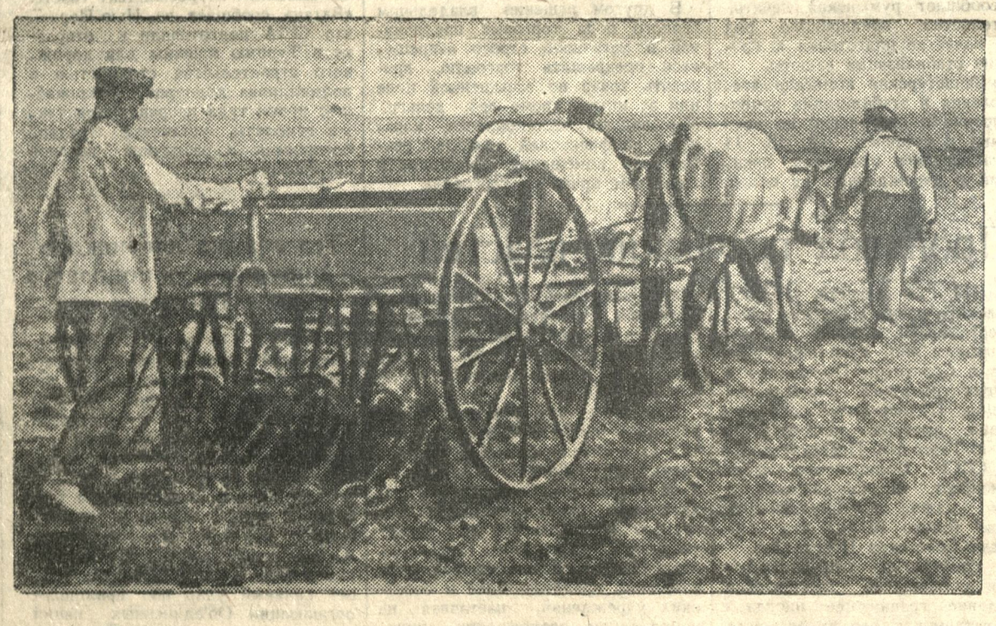
Безучастное отношение т.т. Печинского и Голиусова к делу, решающему судьбу будущего урожая, свидетельствует о том, что райком партии и исполком райсовета не раз'яснили своим представителям в колхозах их задачи.

Все руководство севом в районе сводится к тому, что председатели колхозов время от времени вызываются на бюро райкома партии и в исполком райсовета. Недавно на бюро райкома слушали доклад председателя колхоза им. Ленина Кушнарева и секретаря парторганизации этого колхоза Русанова о ходе сева озимых. Из 620 гектаров этот колхоз посеял 115. На бюро не были вскрыты причины отставания колхоза, решение приняли формальное. О том, как исправить положение, с чего колхоз должен начинать завтра,—не было и речи.

2000 гектаров должны быть посеяны в районе перекрестным способом. Но пока впереверест не посеяно ни одного гектара.

Беззаботно относятся к севу озимых грайворонские руководители.

П. ПАНКРАТОВ.



Сев озимых в колхозе им. Ворошилова Стрелецкого района.

Фото Л. Егорова.

Рано утром и в вечерние часы жители Курска могут наблюдать красивое зрелище. С усадьбы Курской гидрометеорологической станции поднимаются небольшие воздушные шары.

Немногие знают, что эти шары-пилоты или радиозонды являются небесными разведчиками погоды, что с их помощью исследуются распределение и структура воздушных течений в высоких слоях земной атмосферы.

Шары-пилоты и радиозонды—верные помощники метеорологов, они позволяют получать достаточно точные сведения о физическом состоянии земной атмосферы на высоте почти 40 километров.

В то время, когда шар находится в свободном полете, наблюдатели-аэрологи зорко следят за ним в зрительную трубу и делают вычисления с помощью угломерного инструмента—аэрологического теодолита. Эти вычисления дают возможность точно определить высоту облаков, скорость и направление ветра на различных высотах и в различных воздушных слоях.

Все эти данные дают синоптикам возможность судить о предстоящих изменениях в атмосфере.

При работе в ночное время к шарам-пилотам подвешиваются бумажные прозрачные фонарики со свечой.

За последние годы стали применяться автоматизированные методы исследования атмосферы и, в частности, так называемое радиозондирование.

Сущность радиозондирования атмосферы заключается в том, что наполненные водородом шары, значительно больших размеров чем обычные шары-пилоты, поднимают с собой миниатюрный коротковолновый радиопередатчик.

Десятки тысяч наблюдателей метеорологических станций, разбросанных по необ'ятной территории нашей Родины—от суровой Арктики до знойных пустынь Средней Азии, изо дня в день в установленные сроки наблюдают и передают данные о всех основных явлениях, определяющих погоду.

Провода телеграфа и радиоволны несут во все уголки нашей страны тысячи метеорологических, синоптических и аэрологических телеграмм со срочными индексами «Авло», «Пилот», «Шторм».

Н. АНТИМОНОВ.
начальник Курской гидрометстанции.

Вверху на снимке: старший техник-аэролог пускает шар-пилот.

Фото А. Богданчикова.

КРУЖОК ЮНЫХ БИОЛОГОВ

В начале этого года в Курской школе № 22 был организован кружок юных биологов. Записались в него 18 учащихся 5—7 классов. Юные естествоиспытатели совершили 6 экскурсий. Сейчас они готовят гербарии, коллекции, производят записи наблюдений над природой.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Сами не строят и другим мешают

Немецко-фашистские оккупанты разрушили в Курске свыше 133 тысяч квадратных метров жилой площади. Многие коробки сгоревших зданий вполне пригодны к восстановлению. Но прошло уже больше четырех лет после освобождения Курска, а восстановление разрушенных жилых домов идет крайне медленно. Некоторые коробки приходят в негодность, строительные материалы растаскиваются.

По вине «Курскстроя» и ремстройтреста недопустимо затянулось восстановление пяти больших жилых коммунальных домов с общей площадью в 5500 квадратных метров. Это дома по ул. Радищева №№ 23, 50, 52 и 26 и по ул. Ленина, 97. Темпы работ не обеспечивают восстановления этих домов в срок, хотя правительством отпущены достаточные средства. Черепашьими темпами восстанавливает здание электроаппаратный завод.

В городе немало коробок сгоревших зданий, к восстановлению которых пока вообще не приступали. Вот, например, коробка четырехэтажного здания по ул. Дзержинского, 86, построенного незадолго до войны. В прошлом году по решению Совета Министров восстановление этого дома было поручено управлению трудовых резервов. Были выделены средства, но управление уже второй год не может найти подрядчика.

В прошлом году учебному комбинату ЦСУ после настойчивых просьб передали для восстановления коробку большого жилого дома по ул. Ленина, 19. Строительство включили даже в титульный список «Курскстроя». Но до сих пор директор комбината тов. Кац не может заключить договор с «Курскстроем». Вряд ли и в этом году здесь начнутся какие-либо работы. Пока же учебный комбинат находится на положении нежелательного квартиранта в школе № 22. Такое положение не может удовлетворить школу, которая испытывает острую нужду в аудиториях и кабинетах.

Приходят в негодность стены в доме по ул. Л. Толстого, 8. Руководители фармацевтического завода не прочь пожаловаться, что им нехватает квартир для рабочих, но работ по восстановлению своего здания не начинают. Ничем от этих нерадивых хозяев не отличаются и руководители весоремонтных мастерских областного управления местной промышленности. Они даже и не думают начинать восстановление дома № 11 по ул. Дзержинского.

Трехэтажный жилой дом по ул. Карла Маркса, 25, строится с 1935 г. Принадлежит он управлению промышленности строительных материалов. Тов. Громцев только тем и занимается, что меняет владельцев этого дома: раньше он передал его трепельному комбинату, в этом году—кирпичному заводу № 1. 3—4 квартиры из 12 здесь кое-как отделали и на этом успокоились. Балки, уложенные 12 лет назад, от действия дождей и снега пришли в негодность. А ведь в доме осталось произвести штукатурные и отделочные работы. Может быть управление строительных материалов не имеет материалов для достройки дома? Но кто этому поверит?

Список нерадивых хозяев можно дополнить управлением пожарной охраны, которое никак не соберется восстановить жилой дом по улице Дзержинского, 95.

Правительство по инициативе товарища Сталина приняло решение о первоочередном восстановлении 15 русских городов, в том числе и Курска. Каждый год на восстановление жилого фонда отпускаются огромные средства. Тем не менее находятся хозяйственники, которые за четыре с лишним года не смогли даже начать восстановительные работы.

Облисполком и Курский горисполком должны принять серьезные меры к тем руководителям, которые допускают разрушение коробок домов. Нельзя терпеть такого положения, когда по вине безинициативных хозяйственников население Курска не может получить несколько тысяч квадратных метров жилой площади. Возникает законный вопрос: не пора ли отобрать коробки у тех организаций, которые их не восстанавливают, и передать их рачительным и предприимчивым хозяевам?

А. ТАГЕЕВ.

Не перерабатывают, а портят молоко

Ежедневно на Курский молочный завод с'езжаются представители детских учреждений и больниц, получающих здесь молочные продукты. Нередко, прождав 6—8 часов, потребители уходят с пустой посудой, так как продуктов на всех нехватает.

Может быть на завод поступает мало молока? Нет, дело не в этом. Молока поступает достаточно, но оно недоброкачественное —кислое. За июнь и июль завод принял 20800 литров, а за одну декаду августа 12616 литров кислого молока, главным образом с Рышковского и Курицкого сепараторных пунктов.

Директор завода т. Акинин мирится с этим безобразием и беспрекословно принимает негодное молоко.

Бесхозяйственность, бесконтрольность чувствуются во всей работе завода. Цехи находятся в антисанитарном состоянии, спецодежда грязная.

Можно ли мириться с таким положением, чтобы из-за безинициативности, нежелания отдельных людей работать по-настоящему дети и больные лишались молочного питания?

В. СТРОЕВ,
санврач Курского треста «Маслопром».

Столпотворение у Рышковского завода

На Рышковском кирпичном заводе получает кирпич большинство строек Курска. Но отпуск готовой продукции производится очень неорганизованно, и ежедневно возле завода происходит столпотворение машин аккумуляторного и резинового заводов, автоколонны № 9 и других организаций. Машины простаивают не часами, а сутками. Дело в том, что выгрузка кирпича из печи производится очень медленно, и потребителям приходится делиться между собой буквально тачками, по 50 штук кирпича в каждой.

Директор завода т. Евглевский поручил отпуск кирпича подсобным рабочим, которые не ставят машины под погрузку «по своему усмотрению». А ведь порядок здесь навести очень легко, и можно было бы избежать простоев автотранспорта в столь горячую пору.

Д. ЛЕСНЫХ,
начальник отдела снабжения автоколонны № 9.

Рассказ

ДОЧЬ

Запыхавшись и раскрасневшись, в хату вбежала девчонка лет семи. Большие черные глаза ее на один миг пытливо остановились на незнакомых лицах, затем она перевела взгляд на мать, сидевшую тут же, рядом, на скамейке.

Почти не обращая внимания на присутствие посторонних людей, она уселась на коленях у матери и, обхватив ее шею своими смуглыми ручонками, то ли приказала, то ли попросила:

— Мама, кушать!

— Чего ж тебе дать, доченька? —ласково гладя непокорные волосы дочери и прижимая ее к себе, спросила мать.

— Не знаю,—«уточнила» свою просьбу девочка.

— Погоди немножко, сейчас отец придет и будем обедать.

— А где папа?—уже серьезно спросила дочь.

— Председатель позвал на совещание.

— На какое совещание? — не переставала вести «допрос» девочка.

— На совещание бригадиров.

— А что они делать там будут?

— Будут совещаться, какую работу в поле быстрее нужно начинать.

— А-а-а,—протянула дочь таким тоном, словно теперь ей все было ясно и понятно.

Она немножко помолчала, а потом, лукаво посматривая матери в глаза, попросила:

— А может ты все-таки дала бы мне чего-нибудь?

— Ну, что ж, возьми кружку воды, а вон хлеб, солонка с солью возле хлеба стоит. Посоли покруче и запивай водой,—пошутила мать.

— Хитрая какая!—подпрыгивая на коленях, запротестовала дочь.

— Я хочу вкусненького-о! — протянула она.

— А разве это невкусно?—шутила мать.

— Не-е-е-т!..—забавно сморщила нос девочка.—Я хочу знаешь чего?.. Мамка,—вдруг снова оживилась она и, весело сверкая глазами, об'яснила: — меня девчонки ожидают, мы пойдем за малиной. Так ты меня не держи, а дай мне быстренько еду и збанок, и я помчусь. А то мне некогда,—уже совсем по-взрослому добавила она.

Было как-то особенно приятно и радостно смотреть и слушать разговор этой высокой, немолодой уже женщины с ее беспокойной семилетней дочуркой.

— Мне кажется, что у вас чужая девочка,—вмешалась в разговор моя спутница, учительница, схавшая по назначению в школу соседнего колхоза, обращаясь к матери.—Она ведь ничуть не похожа на маму.

Действительно, необыкновенно смуглый цвет тела и большие черные глаза девочки с косым разрезом напоминали что-то восточное и так были непохожи на светлые, голубые глаза матери.

Мать и дочь невольно переглянулись. Во взгляде первой промелькнула легкая тень неудовольствия, а в глазах девочки—не то вопрос, не то грусть. Однако, превозмогая в себе это мгновенно вспыхнувшее чувство, женщина, еще крепче прижимая девочку к груди, тихо усмехаясь, промолвила:

— Почему не моя? Разве все дочери должны быть похожи на своих матерей? Она у меня вся в отца.

Девочка исподлобья взглянула на чужую тетю, вопрос которой больно задел струны ее детского сердца, и в глазах ее исчезли прежние искорки беззаботного смеха.

— Мамка, я пойду,—тихо попросила она мать.

— А отца разве ждать не будешь?—как-то особенно ласково спросила женщина.

— Нет,—отрицательно покачала головой девочка.—Я скоро приду.

— Ну, беги. Только погоди. Я тебе хлеба маслом намажу,—слуская девочку с колен на пол, добавила она.

— Мамка, когда придет папа, скажи, пусть меня ждет. Я быстренько вернусь и поеду с ним в поле снопы возить, — крикнула девочка, возвращаясь с улицы и подбегая к открытому окну.

Женщина сидела, нервно теребя конец передника. Глядя в окно и не ожидая нашей просьбы, тихо начала она свой рассказ.

— Не доезжая Саратова, у меня заболел сын. Молока в груди нехватало, и я поила его кипяченой водой, которую с такими трудностями приходилось доставать на станциях. К счастью, сахару немного у меня сохранилось... Вот я этой подслащенной водичкой с ложечки и поила его. Кормить его и нечем было да и страшно: жара такая... А он и так, как былинка. Однако, что я ни делала — все напрасно. Тает мой сыночек, как свечка. Посоветовали мне люди сойти с эшелона и обратиться где-нибудь в консультацию. Я так и сделала. Доехала до Саратова—и слезла. Да поздно уже было. И здесь ничем ему не помогли. Умер мой сыночек через два дня...

Она остановилась и некоторое время молчала, видимо борясь с тяжелыми воспоминаниями. А потом продолжала:

— В этот день как раз умерла женщина. Ее сняли с эшелона, раненую осколком. Рассказывали, в то время, как разорвалась бомба, она как раз кормила грудью свою девочку. Осколок ранил грудь, а ребенка не затронул. Чудом уцелел. Видимо таки правду говорят, если кому на житье, так, как бы там ни пришлось, жить будет...

А мой сыночек... — она снова остановилась, смолкла.

Слезы ручьем лились по лицу женщины, и она не спешила их вытирать.

— Что я там делала и как кричала, не помню. Это ведь было у нас первое дитя. Век прожили, каждый годочек ожидали... Под старость дождались... И вот я должна была его похоронить... без близких, без отца... Что я думала, скажу ему, когда он придет после войны и спросит, куда сыночка девала. Сама, скажет, спасалась от пуль, а его сохранить не сумела...

А тут эта смерть. Так и надывается девченка, аж почернела вся от крика. Дают ей молоко — не пьет. Каши в рот не берет. Сестры и санитарки сделать с ней ничего не могут. Да и что ты с ним сделаешь, с ребенком? Что он понимает? Кричит да и только. Не спросишь его, и он тебе ничего не скажет...

Вечером приходят ко мне: «У вас, говорят, молоко еще не пропало, возможно, вы покормили бы девочку... совсем умирает от голода, бедняжка...»

Как услыхала я слово «умирает», так во мне все и оборвалось: у меня же только прошлой ночью умер...

А она, бедняжка, как стала ее кормить, уцепилась ручонками мне в тело, а пальчики худенькие-худенькие... Только и остались на личике одни глаза, большие, черные.

И так мне вдруг жаль ее стало, так жаль, будто она моя, а не чужая, бог знает чья и откуда...

Две недели я еще пробыла там. Кормила девочку, санитаркам и сестрам, чем могла, помогала. Они бедные, тогда в сорок первом году тоже не знали покоя ни днем, ни ночью.

Наконец, пришло время собираться в путь-дорогу.

А как подумаю, что придется оставить здесь Мишкину могилку, сердце кровью так и обольется. Каждый вечер ходила на кладбище.

Пошла в последний раз... проститься с сыночком.

Женщина снова остановилась, видимо вспоминая тот вечер, который провела она у последнего убежища сына; затем она продолжала опять свой рассказ.

— А когда принесли ее кормить последний раз, мне вдруг так тяжело стало, так тяжело, будто другую могилку я оставляю здесь. А девчонка за это время уже отошла, окрепла. Щечки пополнели, и ручки не такие страшные стали.

Думала я, думала, что делать, а она, бедненькая, будто понимая мои думки, так жалостно вдруг протянула: Ма-ма-а!..

Тут всякие колебания во мне как ветром сдуло.

... И вот все пережилось—перебылось. Опять дома и опять в своей родной хате. Это уже после войны поставили—уточнила она.—Колхоз людьми помог. А район денежную помощь дал,—об'яснила женщина, — и дочь, слава богу, растет не хуже, чем у людей,—удовлетворенно заключила она.

— А про родителей так и не узнали, кто они и что?—почти в одно слово спросила мы.

— Почему ж нет? Тогда я еще знала. Документы при матери все были.

И теперь они у меня. Берегу. Мало ли что может случиться. Не хочу, чтоб Людмилка меня упрекнула, что не сохранила памяти о родителях... Вы спрашиваете, кто они? Отец капитаном был, в Белостоке служил. Русский: Иван Михайлович Петров. А мать—татарка. Имя не похоже на наше: Еугав. Молодая еще совсем была. По паспорту и семнадцати лет не было полных. Они, татарки, рано замуж выходят, раньше наших девчат...

— Ну, а как муж встретил Вас с дочерью?

— Не он встречал нас, а мы его. Мы ведь раньше вернулись из эвакуации. Его только через год демобилизовали... Ничего. Сначала как-то ему неловко было с ней, чуждался он ее, на руки не брал. Да и она волчком на него посматривала. Протянет он руки, сделает вид, что поймать ее хочет, а она вся сожмется, дрожит и со всех ног ко мне.

С год так продолжалось. Сердце у меня истомилось, переболело.

Чего я только не передумала? Неужели, думаю, они так всегда и будут избегать друг друга? Петрусь мой—человек мягкий, никогда не видела я его злым, никогда не слышала слова плохого, а тут—на тебе... Девчонка опять-таки и веселая и ласковая, а к нему не идет.

— А потом, слава богу, стали привыкать потихоньку друг к дружке.

Теперь их водой не разольешь. Куда он, туда и она. Он идет с «козой» на поле мерить, и она с ним. А обратно возвращаются—вдвоем «козу» несут. Помощь отцу уже есть,—счастливо засмеялась она.

— Она, видимо, уже знает, что вы не ее мать?—не удержалась учительница, чтоб не задать еще один вопрос и до конца не довести эту, не совсем обыкновенную историю.

— Знает,—вздохнула женщина.—Долго мы ей ничего не говорили, а она сама, конечно, ни о чем не догадывалась. А однажды прибегает домой вся в слезах. Я так и обмерла. Думала, мальчишки на улице обидели. Еле добилась толку: кто-то из детей ее поддразнил, что у нее нет ни отца, ни матери и что она нам чужая. Можете себе представить это детское горе. Я долго рассказывала ей правду, а она, как взрослая, сидела и тихонько плакала. Несколько дней никуда не ходила и все держалась около меня.

Стану ее уговаривать: разве тебе, говорю, у нас плохо? А она снова вся так и потемнеет, молчит или плачет. А потом потихоньку, потихоньку стало отходить у нее от сердца, снова повеселела, а потом на улицу побежала. Раны на детском сердце быстро заживают. В том, может, его и счастье, — в раздумьи заключила женщина.

Мы встали, горячо благодаря хозяйку за вкусный квас, которым она нас напоила в этот знойный июльский день и за историю, о себе рассказанную так безыскусственно и просто.

— Да разве я теперь одна такая?—закончила она.—Таких матерей, родные мои, много. И ничего особенного в этом нет. Советские ведь мы матери.

Е. ВАСИЛЕВИЧ.